

жерновки. Баринъ деньги то взялъ, а жернововъ не отдалъ. Прослышалъ про эвто пѣтушокъ и летить къ барину. Сѣлъ на заборъ и кричитъ: „кукореку, кукореку! баринъ, баринъ, отдай стариковы жерновки!“ Долго онъ кричалъ и надоѣлъ барину. Вотъ онъ велѣлъ его пымать и зарѣзать да сварить во щахъ. Ну, за обѣдомъ ево и смякалъ. Только малость посугодя, пѣтухъ и въ брюхѣ барина закричалъ: „кукореку, кукореку! баринъ, баринъ, отдай стариковы жерновки!“ да и вылетѣлъ. Видитъ баринъ—дѣло дрянъ, велѣлъ пѣтушка пымать и опять ему смерть сдѣлать. Вотъ ево и бросили въ колодець утопить. А пѣтухъ кричитъ: „пей, мой задъ, воду!“ Стало сухо въ колодцѣ, онъ вылетѣлъ оттуда и опять сталъ донимать барина. Опять велѣлъ ево баринъ пымать и посадить на баню, а баню зажечь, чтобы пѣтухъ сгорѣлъ. Горитъ баня, а пѣтушокъ сидитъ на крышѣ и кричитъ: „задъ, лей воду!“ Огонь и залилъ и опять сталъ докучать барину. Видитъ баринъ—дѣло не минуче, и отдалъ хрестьянину жерновки. Съ эвтаго время пѣтушокъ и полно летать къ ему.

Балахнинскій у., дер. Никольское. Зап. отъ крестьянина Егора Иванова. 1874 г.

159. Желѣзный воръ.

Жили-были царь съ царицей, и былъ у нихъ сынъ, Иванъ-царевичъ. Вотъ одинъ разъ царь съ царицею и стали собираться на ярмарку. И говоритъ имъ сынъ: „купи мнѣ, тятенька, яблоню съ золотыми яблоками“. — „Хорошо, сынокъ, куплю“, сказалъ отецъ и поѣхалъ съ царицей на базаръ. Долго-ли, коротко-ли царь съ царицей ѣздили и искали яблоню съ золотыми яблоками, только купили ее и привезли домой. Поставилъ Иванъ-царевичъ яблоню въ своей избѣ и любо ему. Только вдругъ сталъ день за днемъ замѣчать, что яблоки кто-то воруетъ. Вотъ и началъ онъ подкарауливать и поймалъ желѣзнаго вора. А онъ былъ тоже царь. Узналъ отецъ Ивана-царевича, что воръ нашелся и велѣлъ ево засадить въ каменной столбъ, а ключъ отдалъ царицѣ. Только однаважды и ходитъ Иванъ-царевичъ около столба и говоритъ ему желѣзной воръ: „выпу-

сти меня: я тебѣ пригожусь“.—„Да какъ я тебя выпущу?“— „Возьми ключъ у матери“.—„Она не дастъ“.—„А ты скажи, чтобы она поискала у тебя въ головѣ, тутъ-то тихонько и вынь у ней ключъ“. Иванъ-царевичъ такъ и сдѣлалъ и выпустилъ вора, а ключъ опять тихонько положилъ матери въ карманъ. Пріѣхалъ царь съ войны, узналъ, что вора выпустили, и сталъ приступать къ царицѣ, какъ эвто оно могла сдѣлать. А сынъ и говоритъ: „эвто я, тятенька, выпустилъ“. Вотъ царь его и выгналъ съ дядькой изъ дому. Идутъ они путемъ-дорогою, и говоритъ дядька царевичу: „сними свою одѣжу и дай мнѣ, а я тѣ дамъ свою, чтобы мнѣ объявиться царскимъ сыномъ, а если ты не сдѣлаешь такъ, то я тѣ убью“. Согласился Иванъ-царевичъ и отдалъ свою одѣжу. Пришли они въ другое царство. Дядька пошелъ въ царски покои, а Иванъ-царевичъ въ кухню. И сказалъ про себя дядька, что его отецъ-царь выгналъ изъ дому за то, что выпустилъ желѣзнаго вора. Тутъ они разговорились о лошадахъ. Царь и говоритъ: „мое лошади осопатѣли, не знаю, чѣмъ лѣчить“.—„Мой слуга, говоритъ дядька, коноваль, онъ вылѣчитъ“. Царь и велѣлъ ему лѣчить. Иванъ-царевичъ боялся, что ево убьетъ дядька, взялъ лошадей, вывелъ ихъ въ поле и сталъ кликать желѣзнаго вора. Явился тотъ и говоритъ: „подъ въ лѣсъ, увидишь тамъ большой камень и открой ево; тамъ увидишь моихъ сестеръ, и они тебя выучатъ, какъ вылѣчить лошадей“. Вотъ нашелъ онъ сестеръ желѣзнаго вора. Она пошла лѣчить лошадей, а двѣ одѣли Ивана-царевича въ царскую одѣжу, а тутъ и желѣзный воръ подоспѣлъ. И всѣ вмѣстѣ поѣхали въ гости къ царю. Царь удивился, что пріѣхалъ царевичъ съ воромъ и говоритъ: „а эвто хто?“ и указалъ на дядьку. А Иванъ-царевичъ и сказалъ: „эвто мой слуга“. Тогда выгнали дядьку въ кухню и стали пировать. Опосля царь отдалъ за Ивана-царевича свою дочь, далъ въ приданое полцарства, и всѣ отправились въ гости къ отцу Ивана-царевича. Царь простилъ сына, помирился съ желѣзнымъ воромъ и задали пиръ на весь честной хрестыанской міръ. И я тамъ былъ, медъ-сахаръ пилъ, по усамъ текло, да въ ротъ не кануло.

Балахнинскій у., с. Вершилово. Зап. отъ крестьянина Гаврила Иванова. 1874 г.